

Автор.
К-88

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

На правах рукописи

КУДИНОВ Леонид Дмитриевич

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Специальность № 12.00.09 - уголовный
процесс, судостроительство,
криминалистика, проку-
рорский надзор.

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Москва - 1985

Работа выполнена на кафедре уголовного процесса Всесоюзного юридического заочного института.

Научный руководитель – доктор юридических наук
профессор ШАЛАМОВ М.П.

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор Давыдов П.М.

кандидат юридических наук, доцент Журавлёв В.Г.

Ведущая организация – Волгоградская высшая следственная школа МВД СССР.

Защита состоится "3" июня 1985 г.
в 16 часов на заседании специализированного совета Д.053.07.02 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора юридических наук при Всесоюзном юридическом заочном институте (Москва, Старокирочный пер., дом 13).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ВУЗИ.

Автореферат разослан "21" июня 1985 г.

Учёный секретарь
специализированного совета
кандидат юридических наук

(Соколова Р.П.)

ДОЦЕНТ
С. В. ШАЛАМОВСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Ф. Э. Дзержинского
Инв. № 4855

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Комплексный подход к решению сложных социальных задач предполагает реальное обеспечение свободы личности, охрану её неприкосновенности. Успешное достижение этой цели невозможно без такого регулятора общественной жизни как советское право. 26 съезд КПСС назвал осуществление конституционных прав граждан одним из первоочередных направлений совершенствования законодательства. Выступая на мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, Генеральный Секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачёв подчеркнул, что "...будут и впредь приниматься решительные меры по дальнейшему наведению порядка, очищению нашей жизни от чуждых явлений, от любых посягательств на интересы общества и его граждан, по укреплению социалистической законности"^I. В этих условиях идея личной свободы продолжает развиваться как важнейшая политико-правовая проблема, значительное место в разрешении которой принадлежит уголовно-процессуальной науке. Являясь одним из правовых средств обеспечения личной и общественной свободы, уголовное судопроизводство само сопряжено с неизбежным применением государственно-организованного принуждения, в том числе предварительного заключения под стражу.

Актуальность темы диссертации обусловлена, во-первых, постоянно сохраняющейся высокой общественной и личной значимостью факта заключения под стражу гражданина в той стадии уголовного судопроизводства, когда он ещё не признан виновным в преступлении; во-вторых, принятием ныне действующей Конституции СССР и изданием на её основе ряда новых правовых актов, непосредственно связанных с регламентацией предварительного заключения под стражу; в-третьих, необходимостью обобщения практики применения этой меры пресечения, изучения причин её

---

^I Материалы внеочередного Пленума ЦК КПСС 11 марта 1985 года. М., Политиздат, 1985, с. 11.

несоответствия в отдельных случаях научным рекомендациям, выработки предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства, повышению эффективности научного влияния на деятельность органов уголовного судопроизводства в свете задач, поставленных ильинским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС, потребовавшим решительного поворота общественных наук к реальным практическим задачам.

Научная новизна диссертации проявляется в формулировании более широкого, чем принято в литературе, содержания уголовно-процессуального принципа неприкосновенности личности, выделения и исследовании предварительного заключения под стражу как составной части меры пресечения "заключение под стражу". По-новому трактуется соотношение заключения под стражу и ареста, правовая природа задержания, обосновывается необходимость правового закрепления особых условий для применения предварительного заключения под стражу, доказываемая необходимость пересмотра существующей регламентации его сроков, их исчисления и порядка продления.

Автор стремился проследить историческую преемственность развития наиболее важных процессуальных явлений, произвести сравнительный анализ некоторых положений законодательства союзных республик, других социалистических государств. В необходимых случаях выводы проверялись статистическими исследованиями, обобщением следственной, прокурорской и судебной практики.

Материалы диссертации, её рекомендации неоднократно публиковались в печати и реализовывались в практической деятельности по обеспечению законности предварительного заключения под стражу, единообразия практики его применения, повышению эффективности.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и новизна исследования, её научное и практическое значение, излагаются методологическая и теоретическая основы диссертации.

Первая глава - "Предварительное заключение под стражу и конституционная неприкосновенность личности" - состоит из трёх параграфов.

В первом параграфе раскрывается понятие и содержание предварительного заключения под стражу. С этой целью рассматривается соотношение заключения под стражу и ареста, показывается его глубокое качественное отличие от наказания.

Арест, как межотраслевое правовое понятие, означает лишение личной свободы. Последнее является основной и конечной целью ареста, оно полностью исчерпывает его содержание. В отличие от ареста перед связанными с ним другими правовыми мерами стоят цели второго порядка. Лишение свободы (арест) выступает лишь предпосылкой достижения этих целей: подвергнув аресту, следовательно обеспечит надлежащее поведение обвиняемого в процессе (мера пресечения), орган исполнения приговора - исправление и перевоспитание осуждённого (мера наказания) и т.д. Некоторые общие черты в фактическом проявлении заключения под стражу и лишения свободы в качестве уголовного наказания отнюдь не объединяют эти качественно различные правовые меры. На основе анализа юридической стороны названных понятий в работе обосновывается суждение о недопустимости наделения меры пресечения присущим наказанию карательным содержанием.

Но и само заключение под стражу внутренне неоднородно. Применение судом этой меры к осуждённому существенно отличается от заключения под стражу лица, не признанного в установленном порядке виновным в преступлении и не подвергнутого на-

казанию. Это различие просматривается не только в заметно отличающихся условиях содержания осуждённых в следственных изоляторах, но и в процессуальных условиях, основаниях и целях предварительного заключения под стражу. Понятие "предварительное заключение" хорошо известно уголовному праву, предусматривающему его зачёт в срок отбытия наказания. Ранее же, ст. 29 УК РСФСР 1926 года содержала в части первой следующее правило: "Время предварительного заключения, а также время, проведенное в заключении с момента объявления приговора до вступления его в законную силу, обязательно зачитывается в срок лишения свободы, определённый судом". Соответственно и ст. 343 УПК РСФСР 1923 года предусматривала: "В тех случаях, когда подсудимый при вынесении приговора был заключён под стражу или находился под стражей в порядке предварительного заключения, срок отбытия наказания считается со дня заключения подсудимого под стражу". Действующий УПК РСФСР упоминает предварительное заключение лишь в п. 6 ст. 315, согласно которой в резолютивной части обвинительного приговора должно быть указано "решение о зачёте предварительного заключения, если подсудимый до постановления приговора содержался под стражей в порядке меры пресечения или задержания". И, наконец, ст. 1 Положения о предварительном заключении под стражу чётко определяет последнее как меру пресечения, применяемую лишь к обвиняемому (подозреваемому) и подсудимому.

Именно в предшествующем постановлению приговора предварительном заключении под стражу сосредоточены основные трудности принятия решений о мере пресечения. Они обусловлены: во-первых, необходимостью принятия такого решения в условиях, зачастую, только начатого расследования; во-вторых, в лишении свободы лица, не признанного в установленном законом порядке

виновным в преступлении и не подвергнутого наказанию; в-третьих, в применении этой меры, как правило, вне сферы правосудия, единоличным решением органа расследования, прокурора; в-четвёртых, в принятии решения на основе письменно зафиксированных доказательств. Всё это налагает исключительно высокую ответственность на органы, применяющие предварительное заключение под стражу, ибо лишение гражданина свободы — это не только юридический, но и важнейший политический акт.

Во втором параграфе рассматривается соотношение понятий предварительного заключения под стражу и неприкосновенности личности. При этом неприкосновенность определяется как свойство личности, предполагающее её ограждение от внешних воздействий, не признаваемых конкретным обществом необходимыми. Выделяя различные уровни социальной ценности институтов, принципов и норм уголовно-процессуального права, М.П.Шаламов относит неприкосновенность личности к высшему звену ценностной иерархии, усматривая значение этой, своего рода, субординации в том, что каждое предложение о совершенствовании законодательства приемлемо, если оно не противоречит более высокому ценностному уровню. Но само положение о неприкосновенности личности, отмечается в диссертации, тоже неоднородно. Автор выделяет в нём три уровня, позволяющие, по его мнению, вскрыть ценностную иерархию на высшей ступени субординации и подчеркнуть усиление гарантий по мере повышения социальной и личной значимости прав граждан. Необходимость некоторых ограничений, как известно, не исключает свободы. Важно осознать необходимость основанных на действии социальных норм пределов поведения. Нарушение признаваемых обществом интересов конкретного лица затрагивает его свободу на наиболее общем — социальном уровне. Выражением охраны юридически признанной свободы выс-

тупает меньший по объёму, но выделяющий более существенные ограничения — правовой уровень неприкосновенности личности. По мере же многократного повторения конкретных жизненных ситуаций возникает своеобразный стереотип поведения, при котором человек воспринимает своё состояние свободным не столько в силу осознания необходимости пределов поведения, сколько в силу выработавшейся привычки вести себя в этих пределах. Поэтому свобода воспринимается в большей мере как явление практическое, содержащее возможность привычного поведения — беспрепятственно передвигаться, располагать собой, своими поступками, временем. Это обуславливает выделение внутри правового, меньшего по объёму, практически-правового уровня неприкосновенности личности как выражения повышенной охраны наиболее важных, жизненно необходимых прав.

Конституция СССР 1936 года предусматривала в ст. 127 обеспечение неприкосновенности личности. Употребив в новом Основном Законе термин "гарантируется", законодатель, как мы полагаем, сделал шаг вперёд по пути усиления охраны личной свободы: если один уровень развития общества позволяет личную неприкосновенность обеспечивать, то для другого, более высокого этапа, характерна столь высокая степень реальной обеспеченности, при которой неприкосновенность личности может быть гарантирована. Содержание этой гарантированной неприкосновенности определяется правом. Поэтому заключение обвиняемого под стражу — это не изъятие из закреплённого Конституцией общего положения, а признание этой меры при соответствующих условиях необходимой. В социалистическом обществе не может быть нарушений неприкосновенности личности на законной основе.

Отмечая регулируемую роль процессуального положения о неприкосновенности личности, автор в третьем параграфе иссле-

дует некоторые особенности проявления принципов в таких сферах правовой действительности как правосознание (идея), право (положения), правопорядок (основы), затрагивает соотношение принципа о общей правовой норме и в итоге обосновывает вывод о соответствии неприкосновенности личности всем требованиям, предъявляемым наукой к понятию "правовой принцип". Он определяется как основанное на Конституции СССР, последовательно проявляющееся в нормах уголовно-процессуального права руководящее положение, выражающее отношение Советского государства к личности как к высшей социальной ценности, в силу которого ограничение органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда прав и не противоречащих закону интересов граждан допускается только при наличии оснований, в порядке и пределах, прямо предусмотренных законом. Ограничение личности не должно быть применено, если без него возможно достижение конкретной процессуальной цели. Соответствующее дополнение ст. 6 Основ способствовало бы более чёткому определению процессуального статуса граждан.

Вторая глава - "Уголовно-процессуальная регламентация предварительного заключения под стражу" - состоит из трёх параграфов. Автор исходит здесь из того, что применение любой меры пресечения, включая предварительное заключение под стражу, определяется наличием условий, оснований и мотивов.

В первом параграфе рассматривается вопрос об основаниях и мотивах применения предварительного заключения под стражу. Основания определяются как фактические данные, о высокой степени вероятности подтверждающие предстоящее сокрытие обвиняемого, либо воспрепятствование им установлению истины, либо продолжение преступной деятельности. Закон предусматривает также применение меры пресечения для обеспечения исполнения

приговора, т.е. основание образует сам факт его постановления. В этом мы видим вполне оправданный смысл: необходимость исполнения реально существующего приговора и связанное с ним лишение свободы осуждённого внушает представление об одном объёме материальных оснований такого решения, применение же предварительного заключения требует иного, большего объёма оснований, большей процессуальной необходимости. Очевидно не случайны и различия требований, предъявляемых законодателем к мотивированности решения о мере пресечения: если до постановления приговора об этом в соответствии со ст. 92 УПК РСФСР выносятся мотивированные постановления (определения), то в приговоре достаточно указать лишь само решение (п. 7 ст. 315 УПК РСФСР).

Содержание оснований включает в себя два существенных момента. Во-первых, упомянутые фактические данные (объективный момент) и, во-вторых, оценку каждого из них на достоверность, а всей совокупности — на достаточность для применения предварительного заключения под стражу (субъективный момент).

Применение меры пресечения должно быть обусловлено и соответствующими мотивами — побудительными причинами, требующими в совокупности с основаниями, именно такого, а не иного решения. Механизм воздействия на это решение перечисленных в ст. 91 УПК РСФСР обстоятельств нам представляется двояким: с одной стороны, они создают определённый фон для оценки собранных доказательств, т.е. опосредствованно, через основания, влияют на принимаемое решение; с другой, — эти же обстоятельства должны непосредственно учитываться при избрании меры пресечения, помимо оснований, — в этом значении они и приобретают характер мотивов. Первым в их перечне законодатель называет тяжесть обвинения, а в части второй ст. 96 УПК РСФСР закрепляет правило о возможности заключения под стражу обви-

няемых в преступлениях, исчерпывающе предусмотренных законом, по мотивам одной лишь опасности преступления. По мнению автора, сущность этого положения заключается в том, что сама опасность содеянного содержит комплекс фактических данных, которые в силу закона являются достаточными, чтобы предположить совершение обвиняемым подлежащих пресечению действий.

Совокупность доказательств об основаниях и мотивах предварительного заключения под стражу образует в конечной стадии принятия решения более широкое понятие "основания", употреблённое, например, в части третьей ст. 96 УПК РСФСР, предусматривающей обязанность прокурора при санкционировании ареста тщательно ознакомиться со всеми материалами, содержащими основания для заключения под стражу, естественно, и я при этом в виду и мотивы; в ст. 393 того же кодекса, где определённое исключительное содержание указанных в статьях 91 и 96 обстоятельств рассматривается законодателем как основание для ареста несовершеннолетнего обвиняемого, и т.д.

В применении различных мер пресечения, а, зачастую, и в применении предварительного заключения под стражу на разных стадиях процесса, лежат лишь относительная общность оснований. В литературе можно встретить суждение о том, что необходимость более строгой меры пресечения определяется повышением вероятности подлежащих пресечению действий обвиняемого. По мнению автора, решение о предварительном заключении под стражу должно исходить из оценки более глубокого уровня — того, как эти предполагаемые действия способны повлиять на ход процесса в условиях конкретного уголовного дела.

По мере приближения к постановлению приговора возрастает роль мотивов — тяжести обвинения, данных о личности, иных обстоятельств, в решающей мере обуславливающих необходимость

данной меры пресечения. Эти обстоятельства оцениваются органом расследования, прокурором, судом через призму степени вины, концентрированным выражением которой выступает предполагаемая мера наказания. Такое основанное на внутренней оценке прогнозирование не имеет публичного характера и не вторгается в исключительную компетенцию постановляющего приговор суда.

Иногда в качестве особого основания предварительного заключения под стражу называют нарушение обвиняемым ранее примененной к нему подписки о невыезде. В работе обосновывается суждение, что новая мера пресечения применяется здесь не в порядке санкции за нарушение, а только в связи с выявившейся неэффективностью ранее избранной меры. Сам факт нарушения подписки может учитываться не более как один из мотивов, охватываемых в ст. 91 УПК РСФСР термином "другие обстоятельства". Иное понимание наделяло бы предварительное заключение под стражу несвойственной ему процессуально-карательной функцией.

Предварительное заключение под стражу, — отмечается во втором параграфе, — может быть применено при наличии соответствующих условий, т.е. процессуальной ситуации, с которой закон связывает саму возможность рассмотрения вопроса о мере пресечения. Это, прежде всего, законное и обоснованное привлечение лица в качестве обвиняемого в преступлении, наказуемом лишением свободы на срок свыше одного года, а при заключении под стражу подозреваемого — предъявление обвинения не позднее десяти суток со дня применения меры пресечения. Там, где заключение под стражу допускается законом лишь в исключительных случаях (статьи 90, 96 ч. 1, 393 УПК РСФСР), исключительность ситуации должна быть подтверждена соответствующими доказательствами.

Для привлечения к уголовной ответственности и заключения под стражу народных депутатов требуется согласие соответству-

II

ищих органов государственной власти. В связи с этим в диссертации рассматриваются основные положения принятого 3 ноября 1983 года постановления Президиума Верховного Совета СССР "О порядке применения статей 33 и 34 Закона СССР "О статусе народных депутатов в СССР", закрепившего новый, существенно отличающийся от прежнего порядок обращения органов расследования за такими согласиями.

Условиями действия уже примененного предварительного заключения под стражу называются: а) сохраняющаяся обоснованность обвинения; б) действие ограниченных законом либо продленных в установленном порядке сроков.

Одним из наиболее важных положений диссертации является обоснование необходимости правового закрепления особых условий для применения предварительного заключения под стражу, которое, по мнению автора, может и должно применяться только при отсутствии сомнений в доказанности факта совершения лицом соответствующего деяния и отсутствии обстоятельств, исключающих производство в отношении этого лица. Арест подозреваемого может применяться, как исключение, лишь тогда, когда при установлении преступления и совершения его определенным лицом, в силу тех или иных причин, не принято решения о привлечении в качестве обвиняемого. В работе показывается неприемлемость утверждений о необходимости повторного ареста содержащегося под стражей подозреваемого после предъявления ему обвинения. Привлекается внимание к сложившемуся на практике ненормальному положению, когда доминирующее значение в принятии решения о заключении под стражу отводится условиям, при одновременном существенном принижении роли оснований.

Цели предварительного заключения под стражу, как отмечается в третьем параграфе, носят процессуально-превентивный

характер и подразделяются на внутривещуальные - недопустить оокртия обвиняемого либо воспрепятствования им установлению истины; вневещуальные - недопустить совершения обвиняемым нового преступления. Достижение каждой из этих целей имеет не менее важную оборотную сторону - воздействуя на поведение обвиняемого, предварительное заключение под стражу одновременно выступает гарантией установления истины, защищает общество от продолжения преступных посягательств.

Являясь эффективным средством воспитательного воздействия как на самого обвиняемого, так и на других лиц, предварительное заключение под стражу имеет и четко выраженное общепреентивное значение. Последнее, в силу его подчиненности процессуально-преентивным целям, достигается лишь постольку, поскольку применение этой меры необходимо для достижения ее основных уголовно-процессуальных целей.

Анализируя содержание отдельных норм, автор приходит к выводу, что при существующей регламентации предварительное заключение под стражу объективно наделяется несвойственным его природе элементом кары, истоки которого находятся, во-первых, в применении этой меры в связи с расследуемым преступлением и, во-вторых, в неизбежно сопутствующем заключению под стражу существенном принудительном воздействии на личность. Этот карательный элемент просматривается: а) в применении меры пресечения на основе предполагаемого ненадлежащего поведения обвиняемого в будущем и выражается в игнорировании вероятности надлежащего поведения; б) в возможности заключения под стражу по мотивам одной лишь опасности преступления и выражается в доминировании опасности деяния над потребностями процесса; в) в учете тяжести обвинения и других предусмотренных ст. 91 УПК РСФСР обстоятельств помимо оснований

применения меры пресечения и выражается в отягчении вида пресечения вне процессуальных оснований его применения. Не считая возможным полностью отказаться от действия затронутых норм, автор предлагает частичное их изменение: 1) поддерживаются предложения В.В.Смирнова, З.З.Зиятуллина и других об исключении из статей 34 Основ, 96 УПК РСФСР - части второй, отказавшись от заключения под стражу по мотивам одной лишь опасности преступления; 2) предлагается исключить из ст. 91 УПК РСФСР указание на необходимость учёта соответствующих обстоятельств п о м и м о оснований предварительного заключения под стражу, ограничившись их учётом в рамках оснований.

Третья глава - "Исполнение предварительного заключения под стражу (некоторые вопросы правовой регламентации)" - состоит из двух параграфов.

В первом параграфе на основе Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, рассматриваются некоторые проблемные вопросы задержания подозреваемого, связанные с предварительным заключением под стражу. Возражая против определения задержания как краткосрочного ареста, автор подчёркивает его отличие от мер пресечения. Обращает внимание на впервые закреплённые в ст. 1 цели задержания - выяснение причастности к преступлению и разрешение вопроса о применении заключения под стражу. Привлекает внимание к тому, что в основе задержания лежат доказательства связи лица с преступлением, в то время как мера пресечения применяется на основе фактических данных о предполагаемом ненадлежащем поведении обвиняемого в период производства по делу. Автор предлагает также изменить редакцию п. 6 ст. 315 УПК РСФСР и отказаться от формулировки, рассматривавшей задержание как одну из форм содержания под стражей.

В работе критически рассматривается регламентация оснований задержания, связывающая это решение не с оценкой всей совокупности доказательств, а только с отдельными исчерпывающе перечисленными обстоятельствами. Вносятся и обосновываются предложения о её изменении.

Отмечая, что с изданием Положения впервые узаконено понятие "доставление" как один из элементов задержания, автор считает, что отсутствие предельных сроков пребывания граждан в положении доставленных приводит к нарушениям их законных интересов и предлагает ограничить этот срок тремя часами.

Поддерживается предложение В.М.Савицкого о закреплении обязанности органа, осуществившего задержание, немедленно сообщить об этом прокурору с тем, чтобы он в течение 48 часов принял соответствующее решение.

Во втором параграфе на основе Положения о предварительном заключении под стражу исследуются отдельные вопросы исполнения этой меры пресечения. Поддерживаются предложения о дополнении закона нормой, обязывающей уведомить об аресте членов семьи обвиняемого, администрацию по месту его работы, учёбы. Предлагается предусмотреть уведомление семьи о месте основного содержания заключённого под стражу лица, порядке и сроках передач и т.п. Рассматриваются возникающие на практике затруднения в связи с правовой неурегулированностью этапированных содержащихся под стражей обвиняемых к месту расследования. Имея в виду, что строгое соблюдение требований закона как заключёнными под стражу лицами, так и администрацией места содержания является одним из условий установления истины, автор привлекает внимание к отсутствию нормы, закрепляющей раздельное содержание подсудимых по одному уголовному делу, к недостаткам регламентации контроля переписки заключённых под

отраду обвиняемых, порядка представления им свиданий с защитником и предлагает соответствующие дополнения закона.

Четвёртая глава - "Процессуальные гарантии законности и обоснованности предварительного заключения под стражу" - состоит из трёх параграфов.

Правовым средством поддержания законности выступает деятельность прокурора, призванного, с одной стороны, обеспечить наступательную борьбу с преступностью и, с другой, - недопустить нарушений личной неприкосновенности граждан. Это достигается надзором за исполнением законов органами предварительного расследования, а также надзором за законностью в местах задержания и предварительного заключения. В первом параграфе последуют различные формы участия прокурора в принятии и реализации решений об избрании, применении, исполнении и отмене предварительного заключения под стражу. Подчёркивается, что прокурор не арестовывает, как это нередко утверждается в литературе, а санкционирует, т.е. разрешает органу расследования реализовать им же принятое решение. Поддерживаются неоднократно вносившиеся предложения о необходимости личного общения прокурора с лицом, в отношении которого истребуется санкция. Однако проведение допросов во всех таких случаях практически неисполнимо. Поскольку основное предназначение допроса - получение доказательств, а потребность общения диктуется в данном случае качественно иными причинами - необходимостью оценки доказательств на предмет применения именно заключения под стражу, автор считает возможным ограничиться закреплением в законе обязанности прокурора не допросить, а лично выслушать объяснения обвиняемого.

Указание прокурора о заключении под стражу обязательно для органа расследования. Думается, что при наличии разногла-

сий по столь принципиальному вопросу ничто не мешает прокурору принять такое решение от своего имени, не давая указаний об этом лицу, имеющему иное внутреннее убеждение.

Изменение избранной по указанию прокурора меры пресечения возможно лишь с его согласия. Если же предварительное заключение под стражу применил непосредственно прокурор, то, судя по буквальному содержанию ст. 101 УПК РСФСР, такого согласия не требуется. Автор предлагает установить порядок согласования с прокурором каждого факта отмены или изменения в стадии предварительного расследования мер пресечения, избранных как самим прокурором, так и судом.

В диссертации затрагиваются связанные с заключением под стражу проблемы организации прокурорского надзора. Анализируются полномочия прокурора, осуществляющего надзор за законностью в местах предварительного заключения, в отношении числящихся за судами обвиняемых, подсудимых и осужденных. Обосновывается необходимость разработки должностных инструкций прокуроров отделов и управлений прокуратур. Исследуются вопросы о правомочиях лиц, временно замещающих прокуроров районов. Проводится мысль о том, что правом санкционирования ареста пользуется только прокурор, назначенный на должность в строгом соответствии с Конституцией СССР. Обращается внимание на отдельные несогласованности в регламентации порядка освобождения граждан, незаконно лишённых свободы. Расматриваются характерные ошибки в принятии решений о заключении под стражу.

В работе отмечается положительное значение Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 года в части отмены возможности применения мер пресечения при протокольной форме досудебной подготовки материалов.²

² "Ведомости Верховного Совета РСФСР", 1985, № 5, ст. 163.

Большой осмотрительности требует, по мнению автора, и предложение о судебном контроле за законностью арестов. Преждевременное вовлечение суда в производство по делу сопряжено с неизбежным, хотя и косвенным, решением вопроса доказанности обвинения. Отклонив жалобу лица, арест которого, как выяснится позже, был необоснован, суд в известной мере должен разделить ответственность за содержание под стражей, а это может оказывать на него нежелательное влияние в принятии последующих решений, что никак недопустимо для высокого положения этого органа в системе судопроизводства. Нельзя пренебречь и возможным разглашением в суде информации по делу, её источников, что может существенно затруднить в дальнейшем установление истины.

Важной гарантией прав граждан стало рассматриваемое во втором параграфе Положение о порядке возмещения ущерба, причинённого гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, предусмотревшее полное возмещение из государственного бюджета ущерба, вызывавшегося в лишении заработка, других трудовых доходов, выскании штрафов, судебных издержек, выплате иных денежных сумм; гарантирующее восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и других прав. Подчеркнув, что возмещению подлежит ущерб, причинённый действием меры пресечения, законодатель поставил незаконное задержание подозреваемого за пределами юридических фактов, влекущих возникновение данного обязательства. Исходя из общих принципов права, в диссертации поддерживается предложение о необходимости возмещения ущерба от незаконного задержания. Интересно, по мнению автора, и то, что законодатель воздерживается от установления судебного порядка обжалования по вопросам исчисления и выплаты возмещения. Примечателен употреблённый в Положении оборот о том, что ущерб возмещается

независимо от вины соответствующих работников. Тем самым не исключаются ситуации, в которых незаконное содержание под стражей может быть следствием их невинных действий. Важны и другие положения этого закона, ставшего не только надёжным средством защиты прав граждан, но и оказывающего сдерживающее влияние на применение этой строгой принудительной меры.

Процессуальные уроки, — отмечается в третьем параграфе, — это не только организационное средство ускорения процесса, но и практически важная гарантия охраны личности. Применительно к содержанию под стражей автор выделяет две самостоятельные сферы их использования: 1) процессуальная, в которой регламентирован срок содержания под стражей при расследовании дела, его исчисление и порядок продления; 2) косвенно связанная с процессом сфера исполнения данной меры пресечения, в которой ограничена продолжительность содержания заключённых под стражу в камерах для задержанных, изоляторах временного содержания.

Являясь процессуальным правоотношением, предварительное заключение изменяется в отдельных его элементах по мере перехода дела из одной стадии процесса в другую, оставаясь в то же время единым и непрерывным. При таком положении автор считает оправданным и логичным ориентироваться в исчислении срока не на стадии процесса, а на заключённое под стражу лицо, регламентировав единую продолжительность предварительного заключения. Практика показывает, что прекращение регламентации сроков с момента перечисления обвиняемого за судом не стимулирует ускорения судебного разбирательства дел этой категории, ослабляет внимание к контролю продолжительности предварительного содержания под стражей. На основе анализа законодательства, его официальных разъяснений и практики применения в работе обосновывается необходимость изменения ныне действу-

щего порядка в следующих направлениях: во-первых, охват общим предельным исчислением, наряду с предварительным заключением под стражу, приравненных к нему в вопросах исчисления срока - задержания подозреваемого и пребывания в стационаре лечебно-психиатрического учреждения; во-вторых, установление единого для всех стадий процесса исчисления этого срока.

Первичный срок предварительного заключения предлагается ограничить одним месяцем с представлением прокурору района права его продления до двух месяцев. Это позволило бы по истечении месячного срока проверить необходимость дальнейшего пребывания лица под стражей и стимулировало ускорение расследования, так называемых, арестантских дел. Практическая реальность такого предложения подтверждена приводимыми в диссертации результатами изучения большой группы уголовных дел. Дальнейшее продление срока в стадии предварительного расследования могло бы производиться в ныне действующем порядке.

Ограничение общей продолжительности предварительного заключения потребует создания новой процедуры продления сроков в судебных стадиях. В связи с этим предлагается ограничить первичный срок предварительного заключения с момента перечисления обвиняемого за судом - одним месяцем и представить право суду первой инстанции периодически подтверждать действие этой меры после обсуждения вопроса в судебном либо распорядительном заседании. Считая необходимым продлить общий срок предварительного заключения, включая досудебный период содержания под стражей, свыше ограниченного законом предельного срока, суд первой инстанции мог бы войти с таким предложением в вышестоящий суд. Дальнейшее продление, как и по истечении полномочий соответствующих прокуроров, в исключительных случаях, мог бы осуществлять Верховный Суд СССР.

В "Заключениях" кратко формулируются основные теоретические и практические выводы диссертации. Подчеркивается, что выполнение правом столь важной социальной функции — мерла свободы предъявляет к нему высокие требования, ибо закреплённые в нормах правила поведения лишь в той мере будут выражением подлинной свободы, в какой они соответствуют сложившимся на данном этапе общественным отношениям. Предлагаемые изменения законодательства, практики его применения и научного толкования должны, по мнению автора, содействовать дальнейшему укреплению правопорядка, всемерной заботе о благе человека, являющейся, как это было вновь отмечено на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, — высшей, программной целью политики партии.

— X —

Основные положения диссертации опубликованы в следующих статьях:

1. Задержание подозреваемого. "Социалистическая законность", 1979, № 4, с. 56-57.
2. Неприкосновенность личности — принцип советского уголовно-процессуального права. — В сб. "Актуальные вопросы юридической науки в свете решений 26 съезда КПСС". М, 1981, с. 56-57.
3. Больше внимания законности предварительного заключения под стражу. "Советская юстиция", 1982, № 4, с. 14-15.
4. Если депутат виновен... "Советы народных депутатов", 1982, № 11, с. 100-102.
5. Правовая охрана личности в СССР. "Блокнот агитатора", Брянск, 1982, № 23, с. 25-29.
6. Процессуальные основания, условия и цели предварительного заключения под стражу. — В сб. "Вопросы борьбы с преступностью", М, 1984, вып. 41, с. 56-63.

Клеп-

Зак. 286 тир. 100
Ротапринт ВУЗИ

